

АВТО РАДИО

1/2017

ТЕМА
НОМЕРА

Музыка.
Итоги 2016

ЁЛ КА

ИСТОРИЯ
ЗВЕЗДЫ

**МАКСИМ
ДУНАЕВСКИЙ**

ПОПСЕ СМЫСЛА НЕ НУЖНО
НИКАКОГО...

**ВЛАДИМИР
МАТЕЦКИЙ**

ОДНОРАЗОВЫЕ ПЕСНИ

**ЗАХАР
ПРИЛЕПИН**

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

БУДУЩЕЕ НАСТУПИЛО. А ВЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ?

Когда в конце прошлого года на церемонии вручения Российской национальной музыкальной премии в Кремле стали известны итоги голосования, многие были в недоумении – сразу в трех номинациях победителем стал Сергей Шнуров и его группировка «Ленинград». «Песней года» была признана композиция «В Питере — пить», а клип на песню «Экспонат» стал победителем в номинации «Лучшее музыкальное видео». Также «Ленинграду» досталась награда как «Лучшей рок-группе». При этом сам Сергей Шнуров церемонию не посетил, видимо, не очень верил в свою победу. Потом последовали все возможные музыкальные церемонии, включая даже «Чартову дюжину», где «Ленинград» был вновь признан «Группой года». Дальше – больше: съемки на ТВ, ведущий ток-шоу на топовом канале, песня для новой программы «С добрым утром, малыши!», интервью с самым крутым журналистом России... По версии российского GQ, Сергей Шнуров – «Персона года» (в третий уже раз!), потому, дескать, что «шнуровское шапито вот уже 20 лет отражает русскую жизнь лучше всех», а по версии Forbes лидер «Ленинграда» поднялся в рейтинге звезд шоу-бизнеса с 28-го на третье место.

Шнур и сам, похоже, не в силах объяснить этот странный феномен столь восторженного приятия своего творчества. Он буквально, как китайский деревенский лекарь, нащупал иглой точку и вызвал бурную и, прямо скажем, неадекватную реакцию. Как этот контркультурный герой превратился в пророка нового времени, бог весть. Ответить на этот вопрос не смог даже Познер. Во всяком случае, все эти его вопросы типа «что можно сказать об обществе, которое упивается вот таким товаром?» остались риторическими, ибо ни сам Познер, ни его визави ответов не знают. Просто будущее наступило, считает Шнуров. А это мало кто заметил. И мерить сегодняшний мир мерками века минувшего – дело бесполезное. Сегодня просто музыка — это неинтересно. С контрабасом, с симфоническим оркестром, с чем угодно — это кончилось.

С этим можно спорить или соглашаться. Но сложно спорить с тем, что «поколение миллениалов» – это уже совсем не те, кому сегодня даже всего лишь тридцать. Тридцать моему сыну, и он еще успел испытать восторг от личного общения с Шевчуком и пофанатеть от песен Цоя. «Поколение миллениалов» точно знает, чего хочет. Им сложно что-то навязать. Они мыслят слоганами, хуками. Содержание песни, в нашем классическом понимании, ими не фиксируется. Спросите любого фаната песни «Экспонат», что он помнит? «На лабуте-еенах-нах и в офигительных штанах»... Это все.

Да, моя юность прошла под звуки классики. И да, я знала наизусть все песни Окуджавы. Почему? Да бог знает, почему. «Так природа захотела, почему, не наше дело, для чего, не нам судить...» Да, вот именно так: природа, сущность, внутренний мир – теперь абсолютно другие. Сейчас не время Окуджавы и Высоцкого. И уже даже не время Цоя и Земфиры. Люди не хотят совершенно думать. Хотят слышать бессмысленный, но звучный тезис, вроде такого: «Кольчик, наколи мне брови в память о большой любви, чтобы взгляд мой стал суровой». У многих сегодня это предел восприятия лирики.

Задаваться вопросом, плохо это или хорошо, столь же бессмысленно, как и биться головой об стену. Ибо спасение утопающих – дело рук самих утопающих, или вы не помните? Если вы носите ребенка и слушаете Рахманинова, а потом уже родившийся младенец слышит в своем доме звуки настоящей музыки, что бы это ни было – каприсы Паганини, песни Окуджавы или гитарные рифы Deer Purple, в его будущем будет Музыка...

P.S. В этом году «Ленинграду» исполняется 20 лет. Продолжение следует?..

Ольга Галина
olgalina@gpmradio.ru

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

С композитором Максимом Дунаевским, сыном того самого Исаака Дунаевского, который написал музыку к песне «Широка страна моя родная», мы встретились в старом особняке Московской областной филармонии, что в 1-м Волконском переулке. Кабинет художественного руководителя удивил своей скромностью, а попасть в него оказалось непросто – пришлось ждать конца затянувшегося рабочего совещания. Перечитывая заготовленные вопросы, вовсе не ожидала получить откровенные ответы – уже несколько интервью подряд безуспешно пытаюсь выяснить: что же происходит сейчас с нашей эстрадой? К уклончивым ответам привыкаешь быстро. Тем удивительней было услышать все то, что прозвучало на этой встрече. Если честно, всего сказанного хватило бы на три интервью: об эстраде, кино и музыкальном театре...

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ:

«МАРГАРИТЫ НА НИХ НЕТ...»

– Прийти к Дунаевскому и не спросить про кино – просто невозможно. «Три мушкетера», «Ах, водевиль, водевиль...», «Мэри Поппинс, до свидания!», «Карнавал»... Песни из этих фильмов знают все. А если вам сейчас предложат написать музыку для кино, согласитесь?

– Нет. Потому что никто сейчас не снимет музыкальный фильм. Уже потеряна эта профессия. Вообще потеряна профессия режиссера. Молодых режиссеров можно по пальцам пересчитать, и снимают они в основном для успеха или для фестиваля. Вот Звягинцев – фестивальный режиссер. Если предложить ему снять фильм для миллионной аудитории – он его не снимет...

– То есть в перспективы нашего кино вы не верите?

– Не в этом дело. Кино убили в 90-е годы и так и не подняли. И сейчас все делают неправильно. Представьте себе умирающего человека. Конечно, мы сделаем все, чтобы продлить ему жизнь, но это не значит, что можно с оптимизмом смотреть в будущее и мечтать: вот через годик-другой мы с ним та-а-кое сотворим!

Я бы на месте государства сделал с кино то же, что сделали американцы со своей автомобильной промышленностью, когда она в свое время стала умирать. Умер целый город Детройт. Что сделали американцы? Полностью отказали в поддержке автогигантам, пустили их на самотек и сняли ввозные пошлины на иностранные машины. Сразу резко повысилась конкуренция.

– У нас и так засилье иностранных фильмов. Что же мы в итоге получим?

– Сначала, конечно, полный швах. Но постепенно появится и результат. Французское кино выжило, итальянское выжило... Государство их не поддерживает деньгами никак, только кое-какими регулирующими вещами, очень тонко.

– Вы как-то сказали, что 90-е убили и эстраду.

– 90-е убили вообще почти все, выплеснув наружу то, что дремало. Было и что-то хорошее, но в основном это мутный поток: все теперь можно... И в этом потоке потонула большая часть хорошего. Ведь то, что было в 80-е – расцвет невероятный, я считаю, и нашей музыки, и кино. Следующие десять лет вырубili полпоколения, и восстанавливать это очень тяжело. Поскольку уже нет никаких условий для восстановления, процесс сильно затянулся. Мы хромаем до сих пор.

– Вы уехали в 90-е в Голливуд именно по этой причине?

– Я уехал потому, что здесь ничего не было вообще. Никаких возможностей для работы, для творчества. Можно было только бизнесом заниматься и воровать. Все остальное как-то совершенно никому не было интересно. Уехал ведь не только я, но и Тухманов, Журбин, еще раньше Зацепин... Скольких знакомых я встречал в то время в Америке – боже ты мой! На каждом перекрестке здоровались.

– Но у вас там не совсем все сложилось, как я понимаю?

– Да и не могло сложиться. Я же не открывать Америку туда поехал, а просто нормально жить, больше ничего. Никаких суперидей у меня не было. Десять лет я неплохо жил, очень многому научился. Понял замечательную страну, которая действительно приспособлена для жизни. Но все же в России я стоял на определенной ступени творчества, на какой-то социальной ступени, на которую там уже подняться не мог. Поэтому, как только забрезжила надежда, что здесь что-то налаживается, я вернулся и стал заниматься своим делом, сочинять музыку.

– После возвращения вы с головой ушли в музыкальный театр, мюзикл. Почему вы так редко пишете для эстрады?

– Потому что такие песни, которые были бы сейчас на нашей эстраде, как говорят, в тренде, я написать не могу. Надо очень низко опуститься, чтобы придумать примитивную мелодию, услышав которую, все дружно захлопают в ладоши. Я вчера услышал совершенно невероятную песню, которую спела в шоу Юдашкина певица Глюкоза. Это было нечто! И слова, и музыка. Даже нельзя сказать, что это плохо или неудачно. Такое вызывает только смех. Не могу это повторить, помню только: «А-а-а, ля-ля-ля, да-да-да, а-та-та...».

Вот такого я написать не могу, не умею. А что-то более сложное сразу уходит в шансон. Я, например, для Глызина написал одну песню, которая получила премию «Шансон года». Нельзя сказать, что я уважаю шансон, просто так получилось, что сегодня он забрал под себя какие-то остальные жанры. Потому что попсе смысла не нужно никакого.

– Самые популярные эстрадные хиты прошлого года – «Экспонат», «В Питере – пить» Сергея Шнурова. Как вы к этому относитесь?

– Я не считаю это музыкой вообще. Просто существуют в мире некие явления, когда актеры притворяются не актерами, не актеры – актерами, музыканты – не музыкантами, не музыканты – музыкантами... Кино снимает бог знает кто. Давайте говорить о профессиональных вещах, а это

самодеятельность. Я не вижу здесь ничего, о чем можно говорить.

– Хорошо, тогда о другом. Может ли что-то или кто-то влиять на шоу-бизнес, что-то в нем менять? Профессиональные критики, например...

– Когда-то у нас были худсоветы, заменяющие собой критиков. Сейчас много критиков, но влиять они, к сожалению, не могут ни на что. В отличие от всего мира, где критика имеет очень большую степень влияния. Ни одно событие в Голливуде или на Бродвее, или в Париже не проходит без участия критиков, которые могут за день до премьеры написать такую статью, что премьеры не будет.

В России есть пара хороших театральных критиков, пара неплохих кинокритиков. А музыкальной критики, которая могла бы хоть как-то влиять на ситуацию, не существует вообще на сегодняшний день. А так-то вообще критиков много... Маргариты на них нет... (Смеется.)

Критики, конечно же, нужны, как и представители других профессий. Просто надо хорошо свое дело делать. А еще создавать условия в стране, чтобы все это имело какой-то вес. Вот говорят, у нас нет свободы слова, журналистам что-то запрещают... На самом деле, все есть. Я читаю резкие статьи и по экономике, и по всем делам внутренним, по образованию, по искусству. Но хоть кто-нибудь обращает на это внимание? Хоть какой-то отклик на это есть? Нет никакой государственной воли, никакого законодательства, которое бы учитывало эту критику. Есть закон о журналистике, но нигде не сказано о том, что должны делать люди, от которых зависят наша музыка, искусство, экономика, если в их адрес полетели стрелы.

– К чему же мы пришли с нашей популярной музыкой? Что имеем сегодня?

– Я не музыковед по образованию, не могу проанализировать этот вопрос. Здесь я могу выступить больше в роли слушателя, чем критика или даже музыканта. Потому что как музыканта меня все это не трогает. Вот когда транслировали сокращенную версию «Грэмми», мне кажется, совершенно напрасно это делали, потому что огромную себе подложили свинью. Когда выходит с песней «Hello» Адель, сразу становится понятно, в какой заднице находится все, что мы делаем. Знаете, я ее услышал два года назад, когда ехал в автомобиле по Лос-Анджелесу. Я остановил машину и замер. Есть у нас сегодня хоть одна песня, ради которой можно остановить машину и замереть?

– Как вы думаете, почему у нас такой песни нет?

– По-моему, совершенно все ясно. У нас исчезло творчество, люди занимаются совершенно другими делами. Все продюсеры

Мне интересно доказать и рассказать людям, что есть настоящая музыка на свете. Потому что сегодня музыкой называют все

пишут. Все что-то составляют из кирпичиков. Все знают формулы, как заработать денег. Как раскрутить спонсора, очередного любовника или миллионера. Все это у нас очень четко просчитывается. Но творчества там нет никакого.

– **Бизнес убивает творчество?**

– Это не бизнес, если бы! Во всем мире бизнес – шоу-бизнес. И кино тоже шоу-бизнес. Почему же у нас так? Знаете, очень смешно рассказывал один мой приятель, родом из Украины. У них в классе была математичка, которая ходила и спрашивала: «У вас какой ответ на задачку?» Ей отвечали, а она говорила: «А в нас не так!» Вот «в нас» не так все...

– **А с начинающим талантом вы могли бы поработать?**

– Когда-то да, с удовольствием. Так было с Павлом Смеяном, даже с Михаилом Боярским, и с другими певцами. Так Жанна Рождественская стала одной из лучших певиц, благодаря хитам, которые я написал. Но сегодня нет уже этого механизма. Я напишу – а дальше-то что? Сегодня выстроена такая система, при которой ничего дальше сделать нельзя. Система очень простая: есть продюсерский проект, и на это нужны деньги, воля продюсеров, программных директоров радио и телевидения...

– **Получается, с продюсерами вы не настроены сотрудничать?**

– А зачем? И я им не нужен, прежде всего. Они же для себя все сами делают. В этом и беда. Потому что продюсеры, как правило, не композиторы, этому не обучены. Они делают только то, что укладывается в прокрустово ложе сегодняшнего мгновенного успеха. И больше ничего.

– **В музыкальном театре вы не чувствуете такой «несстыковки», как в эстраде?**

– Театр у нас остался. Мюзикл – действенный сегодня жанр для меня. Здесь есть режиссеры, есть певцы, поющие актеры. Есть все для того, чтобы интересно и по-настоящему работать. И не только в Москве, но и в провинциальных театрах тоже.

– **Интересно, те, кто ходят на ваши постановки, и те, кто слушает попсу, одни и те же люди? Поклонники мюзиклов, мне кажется, это более узкий круг.**

– Конечно, в основном это другие люди. Музыкальный театр – другая музыка, другой уровень. Это более чистый жанр. Я бы сказал, это более похоже на искусство. Что касается узкого круга, большая ошибка думать, что

мюзиклы в нашей стране возникли лет 10-12 назад. Оперетта – тот же самый мюзикл. И оперетту всегда обожали у нас. Были всегда мюзиклы и в драматических театрах. «Юнона и Авось» – это же Ленком, и на этот спектакль до сих пор билетов не достать. А вот свободный продюсерский проект – этому люди не доверяют. У нас нет Бродвейской системы, ежевечернего представления, когда несколько лет играет один спектакль. Люди привыкли к выбору – сегодня «Марица», завтра «Три мушкетера» и так далее. Поэтому в репертуарном театре музыкальный спектакль всегда будет иметь успех. А как отдельные проекты – почти все мюзиклы провалились, чтоб вы знали...

– **Бывает так, что вы пишете музыку для спектакля, но процесс не увлекает, просто надо? Я слышала, музыку к «Алым парусам» вы всего за три дня написали.**

– Да, трое суток – три бессонные ночи. Но это же как-то еще рождалось в голове до самого процесса. Я как тот студент: ночь перед экзаменом дадите? (Смеется.) Раньше бывало – просили за деньги что-то написать: ну, напиши, что тебе стоит... И я писал. Сейчас такого уже нет, конечно. «Алые паруса» – моя личная идея, мой проект, этого мне абсолютно никто не предлагал. Еще один мой проект – музыка для детских ёлок. Их у меня уже, наверное, штук двенадцать...

– **Об этом я вообще ничего не слышала.**

– А потому что нет популяризации. Никто в этом не заинтересован, никакие государственные органы. Все интересуются чем-то совсем другим – деньгами, карьерой, выполнением поставленных задач. Раньше как-то правильней все было. Встретились с музыкальным директором телевидения, говорю: «Хорошая песня есть, «Гадалка», для фильма написана...» Он: «Покажи!» Послушал: «Завтра же в эфир!» Никаких денег, подарков... Просто человек заинтересован, чтобы об этом узнали люди.

– **Ваша работа в качестве художественного руководителя Московской областной филармонии связана с желанием изменить ситуацию?**

– Вы знаете, менять – это самое дурное дело. Изменить мы ничего не можем. Можем только хорошо делать свое дело, а дальше – будь что будет. Любая область, не только Московская, существует совершенно по другим законам, нежели столица. Москва окружена единым пространством – Интернет, телевидение, внутренние связи, администраторы, залы... А в области нет даже единого билетного пространства. Как связать отдельные небольшие города – вот в чем проблема, с

этим нам приходится работать, биться, как с врагом. То есть мы ничего не можем с этим сделать, кроме одного – работать, возить артистов, показывать. И что самое главное – надо учитывать вкусы, которые в регионах опущены очень серьезно. В столице все-таки уровень какой-то остался, хотя тоже сложности немаленькие. Но в области...

– **То есть в области вы занимаетесь воспитанием музыкального вкуса?**

– Как говорил мой покойный друг и поэт Наум Олев: «Воспитание ребенка нужно начинать с воспитания его бабушки». То есть мы с этим опоздали, мы можем воспитывать только детей. У нас есть «Детская филармония» – специальные большие программы, концертное исполнение сказок и просто классических произведений в увлекательной форме. Дети очень довольны, и родителям нравится. Залы, где проходят наши программы, полностью заполняются. Вот это единственное, что мы пока можем сделать, надеясь на то, что эти дети, или уже их дети, будут ходить на концерты в филармонии.

– **Эта работа для вас очень важна?**

– Я дожил до такого возраста и положения, что заниматься тем, что мне не интересно и не важно, я уже не буду. Мы много говорили об эстрадной музыке, о театре – это более понятные вещи. Даже при том, что в театре есть и сложные произведения, требующие от зрителя определенного образования, все-таки это какое-то более доступное зрелище, которое можно довольно быстро «раскрутить» хорошими спектаклями, артистами, рекламой. Гораздо труднее «раскрутить» симфонический оркестр. (Смеется.) Здесь тоже нужны звезды, а звезды в этом деле появляются гораздо реже. Это попса их рождает каждый день, но лично мне задача возить поповых звезд не интересна.

Мне интересно доказать и рассказать людям, что есть настоящая музыка на свете. Потому что сегодня музыкой называют все.

– **Сколько зрителей вы собираете в области?**

– Триста, четыреста, пятьсот. Тысяча – уже выдающееся явление. Я очень хорошо знаком с филармонией Лос-Анджелеса, где люди 25-тысячные залы заполняют. Это же стадион! Очень здорово зарубежные филармонии работают, я им завидую, конечно. Причем их совершенно не поддерживает государство, они держатся исключительно на попечительстве, на спонсорстве. И списки попечителей знают все. Это очень престижно.

– **А наши филармонии на чем держатся?**

– Исключительно на поддержке государства. Этого недостаточно, надо еще зарабатывать свои деньги. Мы пытаемся это делать. Иногда получается, иногда нет. К сожалению, очень сложно, потому что не привыкли люди платить за это деньги.

– **Филармонии регулирует государство, но этого недостаточно. Шоу-бизнес регулирует сам себя, но страдает качество. Какой же выход?**

– Я скажу так: у нас на эстраде не хватает профессионалов. Даже не то, что не хватает – их совсем мало. Может быть, будет что-то хорошее на нашей эстраде через 5-10 лет, если этим будут заниматься профессионалы. Как занимались этим в 60-е, 70-е, 80-е. Это же были суперпрофессионалы – и дирижеры, и певцы, и композиторы.

Наверное, нужно, чтобы прошло время. Чтобы кто-то в нее поверил – в популярную музыку, занялся ею по-настоящему. Ведь есть попса, а есть популярная музыка – она еще где-то осталась, жива еще немножко.

Зоя Брылина
brylina@gpmradio.ru

РЕЦЕПТ СОЗДАНИЯ ХИТА / НИКОЛАЙ НОСКОВ

– **Песни, которые живут долго – это вдохновенные вещи. Они рождаются не просто так. Поэтому те, кто написали песни, не умершие со временем, – достойны уважения.**

Мастерство музыканта должно быть, конечно. Раз назвался музыкантом, будь им. Другое дело, что есть вещи вымученные, когда люди долго сидят за инструментом. Такая песня может быть хорошей, красивой, но только на определенное время. А есть песни, которые рождаются в один миг. Вот это и есть вдохновение, которого музыкант может ждать всю жизнь. К некоторым оно так и не приходит.

Составляющие такой песни – труд самого художника. В этом есть какая-то намоленность. Если он постоянно трудился, думал, то это превращается во что-то великое.

Хорошая песня – это слияние мелодии, гармонии и текста. Когда есть все три составляющие – тогда и рождаются великие песни.